

опредѣлило религіозную мысль Толстого, а та индивидуальная апперцепція Евангелія, которая сложилась у него подъ вліяніемъ лично пережитого опыта. Что это такъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ все дальнѣйшее развитіе религіознаго творчества Толстого, которое есть несомнѣнно глубокая, *самостоятельная* попытка создать религіозную систему безъ Откровенія. Основной замыселъ Толстого совпадаетъ поэтому съ тѣми попытками построенія „естественной религіи“, которыя характеризуютъ внѣхристіанское религіозное сознаніе. Толстой какъ бы продолжаетъ работу, начавшуюся въ различныхъ религіозныхъ умахъ, и для него ученіе Христа есть одинъ изъ источниковъ религіозной правды, *но вовсе не единственный*.

Не будемъ смущаться рѣшительностью заявленій Толстого о томъ, что Христосъ „никогда“ не училъ о личномъ безсмертіи, оставимъ на время обычное пониманіе ученія Спасителя, но спросимъ себя, чему же учить, по Толстому, Христосъ? Разбираясь въ этомъ вопросѣ, мы отчетливо чувствуемъ, что ученіе Христа, въ истолкованіи Толстого, *не можетъ быть понято безъ общей религіозной системы самого Толстого*. То неопредѣленное ученіе о безсмертіи, съ которымъ мы только что познакомились, и которое Толстой приписываетъ Христу, станетъ намъ понятнымъ лишь при углубленіи въ религіозный опытъ Толстого. Поэтому мы и оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о правильности толкованія Евангелія Толстымъ и обращаемся къ характеристикѣ *его* ученія о безсмертіи, къ *его* религіозному опыту. Не Толстой, какъ истолкователь христіанства, интересуется меня здѣсь, а Толстой, какъ религіозный мыслитель. Я хочу выяснитъ, *почему* Толстой пришелъ къ тому оригинальному толкованію ученія Спасителя, съ которымъ мы только что познакомились? Какіе мотивы легли въ основу его ученія о безсмертіи? И если намъ удастся показать, что и собственный религіозный опытъ Толстого не вмѣщался въ рамки его теоріи безсмертія, то эта внутренняя беспочвенность его ученія ясно обнаружитъ, насколько оно было далеко отъ глубокаго ученія Христа, насколько онъ былъ произволенъ въ своемъ толкованіи.

Въ человѣкѣ, какъ и во всемъ конкретномъ, таинственно, неизслѣдимо сплетается индивидуальное и общее, своеобразное и универсальное. И то и другое безпредѣльно въ своемъ содержаніи, и то и другое одинаково реально, неразрывно связано между собой.